

* * *

УДК 94(47).084
DOI 10.17816/snv202211

Статья поступила в редакцию 10.03.2020

ПРОСТРАНСТВО НЕВОЛИ: ГУЛАГ И ЕГО СОЦИУМ

© 2020

Удовенко Илья Витальевич, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Государственный музей истории ГУЛАГа (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируется ГУЛАГ как социальный феномен советского общества, как особый тип пространства неволи; рассматриваются социальные конструкты и взаимосвязи между администрацией лагерей, заключенными, вольнонаемными работниками и местным населением; исследуется повседневная жизнь лагерного социума. Особое внимание уделено выявлению специфических групп и слоев лагерного населения, анализируется их социальный и гендерный состав. Исследуются условия существования, уклад жизни, обычаи и нравы, присущие лагерной социальной среде. Источниковую базу исследования составляют нормативные акты, делопроизводственная документация, статистические источники, лагерная периодическая печать, мемуарная литература. Особую научную ценность для данной работы представляют материалы видеоархива Государственного музея истории ГУЛАГа, в котором собраны несколько десятков интервью и воспоминаний бывших заключенных. В статье делается вывод об авторитарности внутреннего устройства исправительно-трудовых лагерей, а также об отсутствии четких границ между социальным пространством лагеря и общественным пространством остального «свободного мира», что обуславливалось организационной моделью лагерно-промышленного комплекса. В результате такого «размытого» устройства ИТЛ лагерная культура, в основе которой лежали архаические принципы организации общества с превалированием воровской нормы морали, оказывала значительное воздействие на весь социум Советского Союза.

Ключевые слова: ГУЛАГ; исправительно-трудовой лагерь; советская пенитенциарная система; заключенные; репрессивная политика; лагерный социум; лагерная повседневность; принудительный труд; трудовое соревнование; перековка; лагерная экономика; социальный эксперимент; социальная инженерия; пространство неволи.

Советская система мест заключения, вошедшая в мировую историю под названием ГУЛАГ, существовала с начала 1930-х и до конца 1950-х гг. Она была порождена идеологией классового насилия, хотя формально служила целям изоляции и перевоспитания преступников. Потребности экономического развития советского государства привели к сращиванию лагерных управлений с производственными структурами и со временем превратили ГУЛАГ в мощный лагерно-промышленный комплекс, который на протяжении десятилетий оставался закрытой системой. Сегодня историки подробно изучили экономическую деятельность ГУЛАГа [1; 2], разобрались с его структурой и нормативно-правовой базой [3], опубликовали исследования по отдельным лагерям [4], однако в российской историографии практически нет работ по социальной истории ГУЛАГа, исключение составляют лишь отдельные статьи, посвященные частным вопросам лагерного сообщества [5]. В настоящей работе предпринята попытка проанализировать социальное пространство ГУЛАГа, исследовать повседневную жизнь лагерного социума.

Изучение социальной истории ГУЛАГа затрудняется недостаточной репрезентативностью тех источников, которые составляют основу традиционной источниковой базы. Исследователь ГУЛАГа имеет дело преимущественно с ведомственными и межведомственными делопроизводственными и актовыми документами, в которых по большей части представлена казенная точка зрения на лагерную действительность. Взглянуть на жизнь лагеря изнутри, не с административной точки зрения, а с позиции заключенного, помогают массовые эго-источники, прежде всего письма, автобиографии, мемуары.

Благодаря архивной документации ГУЛАГ предстает перед исследователем обезличенной производственной структурой, перед которой государство поставило конкретные народнохозяйственные задачи. Роль лагерного социума в этой структуре определяется официальным термином «рабсила» и соотносится исключительно с выполнением норм труда. Жизнь лагерного сообщества камуфлируется статистикой и производственными графиками. Сотни и тысячи лагерных документов беспристрастно свидетельствуют, что в социальном отношении каждый лагерь представлял собой жесткую авторитарную систему закрытого типа. Об этом говорит, в частности, тот факт, что все деловые бумаги, содержащие любые сведения о повседневной жизни лагерного социума, оформлены в виде приказов, распоряжений или инструкций и подписаны начальником лагеря или его заместителем. Например, все проливающие свет на внутрилагерную жизнь документы по Дмитровскому ИТЛ, составившие 138 томов архивных дел (ГАРФ, фонд Р-9489, оп. 2), имеют единое наименование: «Приказы по Управлению строительства канала "Москва-Волга" и Дмитлага НКВД СССР».

Авторитарная форма управления лагерями, а также закрытость и изолированность лагерного пространства ограничивают возможность изучения повседневной жизни лагерного социума. В свою очередь, субъективные свидетельства из «пространства неволи» не позволяют реконструировать «пространство управления». Чтобы получить возможность «объединить в связную систему» то ценное, что внесут в науку различные теории и источники, французский социолог П. Бурдьё предлагал «попытаться встать на геометрическую точку, в которой сходятся

все перспективы, то есть в точку, которая открывает взгляду одновременно все то, что может и не может быть увидено с каждой отдельной точки зрения» [6, с. 8]. В контексте данного исследования историку придется встать на такую точку, с которой можно будет наблюдать и анализировать коммуникацию «пространства неволи» и «пространства управления».

Рождение и интенсивное развитие советской лагерной системы было напрямую связано с форсированной индустриализацией и выполнением пятилетних планов развития народных хозяйств. Количество заключенных в лагерях и колониях в довоенные годы постоянно увеличивалось с 179 тысяч человек в 1930 г. до 2,4 миллиона в 1941 г. В военный период численность населения лагерей характеризовалась крайней нестабильностью, обусловленной высокой смертностью (за 1941–1945 гг. в ГУЛАГе умерло более одного миллиона человек). Кроме того, 1,2 миллиона человек из числа досрочно освобожденных заключенных и вновь осужденных за бытовые, военные и должностные преступления были отправлены на фронт, где воевали в штрафных подразделениях. К концу войны в ГУЛАГе находилось 1412879 заключенных, что составляло 65% от их довоенной численности [7, л. 56]. После войны система ГУЛАГа достигла своего апогея. В 1947 г. осужденные размещались в 54 исправительно-трудовых лагерях с сотнями филиалов в виде лагпунктов и лаготделений, а также в 79 колониях и 57 пересыльных тюрьмах. Кроме того, в стадии организации находились 13 лагерей и 2 колонии. Среди заключенных насчитывалось 80% мужчин и 20% женщин. Этот период характеризовался высоким процентом содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления (31,7%), что являлось прямым следствием репрессивной политики государства по отношению к гражданскому населению, проживавшему во время войны на оккупированных территориях [8, с. 318]. В 1949 г. численность заключенных в СССР превысила отметку в 2,5 миллиона человек и до смерти Сталина в 1953 г. ниже не опускалась. «Когда говорят о коротких сроках построения социализма в нашей стране, перед глазами возникают фантастические толпы, стада оборванных, желтых, опухших существ особой породы, именуемой зеками» – так описывала лагерный социум бывшая заключенная Озерного лагеря Хава Волович [9, с. 478]. С конца 1940-х годов в ГУЛАГе начала заметно снижаться смертность, оставаясь на уровне 1–2% [10, с. 183, 195].

Лагерная география начала 1950-х гг. поражает своими масштабами. Лагеря располагались практически в каждой союзной республике (за исключением Прибалтики и Туркмении) и даже в соседних государствах (например, Южный ИТЛ при строительстве 505 ГУЛЖДС находился на территории Монголии и осуществлял строительство железной дороги Наушки – Улан-Батор). Большинство лагерей, вопреки распространенному мнению об их удаленности, концентрировались в Европейской части СССР. Если в 1930-х гг. для системы ГУЛАГа были характерны лагерь-гиганты с населением 150 тыс. – 200 тыс. чел (Дмитлаг, Бамлаг, Севвостлаг), то послевоенный период отмечен разукрупнением лагерных управлений – теперь типичный лагерь вмещал в себя 20 тыс. – 40 тыс. заключенных, широкое распространение получили и небольшие лагеря с численностью в 5 тыс.

– 10 тыс. человек. Такие «сверхмалые» лагеря располагались в основном в Европейской части СССР, где отмечалась высокая плотность населения.

В конце 1940-х гг. лагеря начинают проникать в крупные города, в том числе в Москву и Ленинград. Всего в период с 1945 по 1954 г. на территории Москвы и Московской области действовали 18 лагерей. При общей строгой секретности (в Москве для усиления секретности лагерям зачастую присваивали литерные обозначения типа «ЕЯ», «АШ», «ЖР») лагерь представляли собой настоящий мир «зазеркалья». Обычные горожане могли изо дня в день проходить мимо лагерной зоны и не подозревать, что за глухим забором протекает совсем другая жизнь.

Колонизируя и аккумулируя огромные пространства от Балтийского моря до Чукотки, ГУЛАГ создавал на подведомственных территориях специфическую социальную среду – пространство неволи, чем-то напоминавшее государство с его характерными признаками: собственная закрытая территория, наличие власти, своя судебная-правовая система, право на легальное насилие, обладание значительными материальными ресурсами и др. Как подчеркивал в лекции для слушателей Высшей школы НКВД СССР в 1945 г. начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин, «ГУЛАГ не хозяйственный трест, а орган НКВД, призванный на переходный от капитализма к коммунизму период защищать диктатуру пролетариата и осуществляемое им социалистическое строительство от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированного элемента, так и неустойчивых элементов среди трудящихся» [8, с. 298]. ГУЛАГ выступал не только в роли «защитника» диктатуры пролетариата, но и в качестве одной из моделей советской социальной инженерии. Это был своего рода социальный эксперимент, который вполне вписывался в марксистско-ленинское учение о государстве. Обитатели лагерей, лишённые прав свободных граждан, представляли собой, по сути, однородную массу промышленного пролетариата (а в случае с шарашками – «пролетариев умственного труда»), лишённого капитала и частной собственности. С этой точки зрения ГУЛАГ представлял собой в некотором роде футуристическое общество, основанное на принципах диктатуры пролетариата, где представители криминального мира, крестьяне, служащие, интеллигенция были сконцентрированы в рамках конкретного лагеря с равными возможностями, правами и обязанностями и трудились плечом к плечу. Неудивительно, что лагерные подразделения нередко именовались фалангами на манер больших трудовых общин (коммун) из утопического учения Ш. Фурье.

ГУЛАГ, как аппарат подавления, выступал в роли «могильщика» кулачества и буржуазии, «уничтожителя» классовых различий в обществе, насильно избавляя свободных людей от чуждой коммунизму частной собственности и выстраивая «здоровые» производственные отношения. Практически каждый официальный отчет как по Главному управлению в целом, так и по каждому лагерю в отдельности содержал раздел о политико-воспитательной работе с заключенными. Лагерный аппарат пытался сформировать внутри НКВД-МВД сугубо позитивный образ ГУЛАГа и представить его в качестве ведомства, которое занимается не только изоляцией преступников, но и их трудовым перевоспитанием, профессиональ-

ным обучением, оздоровлением. В пропагандистской литературе по исправлению преступников неоднократно подчеркивалось, что заключенный является неотъемлемым участником всеобщего социалистического строительства. Созидательный пафос карательной машины нашел отражение в статье 7 Исправительно-трудового кодекса РСФСР: «Труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства» [11, с. 74].

Весь лагерный социум делился на 4 категории: в 1-ю категорию входили заключенные, годные к тяжелому физическому труду, во 2-ю – годные к среднему физическому труду, в 3-ю – к легкому и индивидуальному труду и в 4-ю – инвалиды. О физическом состоянии лагерного населения в первые годы после войны свидетельствует тот факт, что к 1-й категории относилось менее 10% всех заключенных, а основная масса – примерно 70% – относилась ко 2-й и 3-й категориям. Тем не менее практически ни одно крупное строительство в СССР в послевоенный период не обходилось без использования труда заключенных. Как показывают современные исследования, труд заключенных был крайне неэффективным и убыточным для экономики страны. «Бесплатность принудительного труда, создававшая иллюзию его дешевизны, была очень привлекательна для директивной экономики, обладавшей высокими мобилизационными способностями, но отнюдь не материальными стимулами», – отмечала историк Г.М. Иванова [12, с. 234].

Докладывая об успехах лагерной экономики, руководители репрессивного ведомства практически никогда не касались вопросов внутренней жизни лагерей, речь могла идти лишь о режиме содержания заключенных. И если судить о лагерном социуме по отчетным материалам аппарата ГУЛАГа, то можно прийти к выводу, что высшим статусом в лагерной иерархии обладали лошади, поскольку их описанию в проверочных актах уделялось значительно больше внимания, чем «рабсиле». В оценках заключенных лагерь не имел ничего общего с тем образом, который пыталось формировать руководство ГУЛАГа. По мнению бывшего заключенного колымских лагерей Н.Н. Королева, обратившегося в 1954 г. в редакцию газеты «Известия», советские лагеря – «это места, где воспитываются преступники, где делают преступников, кто им еще не стал, где убивают зверски тех, кто им не хочет стать. "Исправительно-трудовые лагеря" – это гнезда, откуда пополняется наша страна новыми кадрами убийц, воров и мошенников, но не людьми» [13, с. 106].

Ошибочно полагать, что лагерные зоны – это полностью закрытый тип социального пространства. Между лагерем и волей не существовало четких границ, это были взаимопроникающие миры, несмотря на строгую секретность лагерной системы в целом. Между обществом неволи и населением страны шел непрерывный обмен людьми. Ворота лагерей были открыты в обе стороны: происходило неизбежное перетекание лагерной субкультуры в свободное общество. Как образно заметил писатель-мемуарист Олег Волков, побывавший с 1928 по 1955 г. в четырех лагерях и трех ссылках, «...освобождаясь из лагеря, попадаешь из ограниченной зоны в более про-

сторную» [14, с. 50]. О сходстве лагеря с волей и о проникновении лагерной уголовной культуры в советское общество писали в своих воспоминаниях многие бывшие заключенные. Особенно остро эту проблему ставил Иван Солоневич, отбывавший наказание в Белбалтлаге в начале 1930-х гг.: «Ничем существенным лагерь от «воли» не отличается. В лагере если и хуже, чем на воле, то очень уж ненамного – конечно, для основных масс лагерников, для рабочих и крестьян. Все, что происходит в лагере, происходит и на воле – и наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче. Нет той рекламы, нет тех "идеологических надстроек"... В лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы» [15, с. 8].

ГУЛАГ являлся одной из форм организации советского общества. Лагерные зоны обрастали поселками вольнонаемных, которые бок о бок с заключенными работали на близлежащих заводах, предприятиях, стройках. Нередко такие лагерно-производственные комплексы становились градообразующими структурами, и на месте бывших лагерных бараков вырастали города, некоторые из них до настоящего времени остаются крупными промышленными центрами. Проблема неприятия лагерной темы советским обществом после ликвидации системы ГУЛАГа, возможно, была связана как раз с тем, что культура неволи присутствовала буквально повсеместно, и рядовой советский гражданин, обитая в системе тоталитарного государства, не проводил границы между реальной лагерной неволей и условной личной свободой. В послевоенное время понятие неволи в сознании советского человека стало максимально размытым. В СССР, помимо тюрем, лагерей и колоний, существовали каторжные отделения, особые лагеря, трудовые колонии для несовершеннолетних, десятки тысяч спецпоселений и комендатур для ссыльных и депортированных. В лагерях имелись театры и клубы, детские дома и больницы, футбольные команды и художественная самодеятельность, проводились дни физкультурника и трудовое соревнование между бригадами. В бытовом плане в условиях послевоенной разрухи и восстановления хозяйства различия между лагерным социумом и свободным советским обществом становились все менее осязаемыми. Колочая проволока походила скорее на границу социальную, а не физическую; оказываясь по другую сторону, осужденный получал новое качество, оставаясь при этом советским человеком. Лагерь и воля являлись сообщающимися сосудами, в которых происходил интенсивный обмен культурными стереотипами и социальными нормами.

В общем числе заключенных значительную долю составляли те, кто был осужден не по статьям уголовного кодекса, а на основании различных указов, которые, как правило, шли вразрез с законодательством союзных республик и противоречили существовавшим уголовным кодексам. Так, например, доля осужденных по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» составляла в 1950 г. 24,6% (631 тыс. человек), к 1953 г. она увеличилась до 31,5% (778 тыс. человек). Помимо этих и других «указников», осужденных, например, «за связь с иностранцами», в лагерях отбывали наказание лица, осужденные по политическим, идеологическим и религиозным мотивам за так называемые

контрреволюционные преступления. Их насчитывалось в 1950 г. 22,5% (577 тыс. человек), к 1953 г. доля «политических» сократилась до 21,9% (539,5 тыс. человек) [16, л. 3]. Эти люди, составлявшие половину лагерного населения, не считали себя преступниками или вообще в чем-то виновными, не допускали мысли о собственной принадлежности к криминальному миру. Вместе с тем они не переставали считать себя советскими людьми и гордиться принадлежностью к советскому обществу. Можно предположить, что это был своеобразный механизм психологической защиты, сродни «стокгольмскому синдрому». Оставаясь в ГУЛАГе, многие заключенные искренне полагали, что в целом уголовно-исправительная система СССР носит справедливый характер, вот только с ними карательные органы дали осечку, поэтому они скорее сочувствовали этой системе, нежели находились с ней в антагонизме. Такая позиция четко прослеживается в воспоминаниях многих бывших заключенных, видеосюжету с которыми записал Музей истории ГУЛАГа в рамках проекта «Мой ГУЛАГ». «Что вы врете? Я всегда оставался советским человеком. И в эвакуации и всегда. И даже сейчас, у вас», – вспоминал бывший заключенный Ю.Л. Фидельгольц о своем допросе в ходе следствия [17]. Бывшая заключенная В.С. Голубева так описала свое первоначальное восприятие лагерного социума: «Я сижу ни за что, а вокруг меня люди, наверное, виноваты» [18].

В исторической и художественной литературе существуют различные мнения относительно лагерного социума. Писатель Варлам Шаламов, прошедший лагерь Колымы, так охарактеризовал население ГУЛАГа: «В лагере не было политических. Это были воображаемые, выдуманные враги, с которыми государство рассчитывалось, как с врагами подлинными, – расстреливало, убивало, морило голодом... Среди погибших в лагере был такой же процент негодяев и трусов, сколько и на воле. Все были люди случайные, случайно превратившиеся в жертву из равнодушных, из трусов, из обывателей, даже из палачей» [19, с. 307], «сталинская коса косила всех подряд, в лагере была набита отнюдь не лучшая часть человечества, не худшая, но и не лучшая» [20, с. 365]. Согласно Шаламову, в социальном отношении лагерь представлял собой институциональный срез советского общества, который был полностью подобен самой стране. Историк О. Лейбович выдвинул рабочую гипотезу, согласно которой «лагерный мир ГУЛАГа был изоморфен большому советскому социальному миру и по культуре, и по социальной структуре» [21, с. 345]. ГУЛАГ по своей сути выступал частью общего процесса модернизации страны. Если взять за основу тот факт, что модернизация в СССР проводилась так или иначе насильственным способом, то лагеря отличались лишь тем, что представляли собой крайнюю форму насильственной модернизации. Лагерная социальная модель была хорошо известна и за пределами ГУЛАГа. Это были и трудовые коммуны, и пионерские лагеря, и стройотряды. Все они в той или иной степени являлись носителями лагерной субкультуры и по устройству, и по духу.

Одним из ключевых моментов в формировании поведенческой модели лагерного социума в послевоенное время стало осознание политическими заключенными, особенно с 25-летними сроками, и так называемым «уголовно-бандитствующим элемен-

том» безнадежности своего положения. Советское законодательство не давало шансов этим категориям заключенных ни на амнистию, ни на смягчение режима, поэтому в условиях отмены в 1947 г. смертной казни никакое дальнейшее уголовное преследование не имело для них существенного значения. Вполне естественно, что представители названных групп стали массово практиковать уклонение от губительных «общих работ» путем занятия руководящих должностей низовой лагерной obsługi и получения любой ценой вакансий, не связанных с тяжелыми физическими работами. В лагерях на фоне усиления социального напряжения начались процессы интенсивной самоорганизации заключенных, что привело к формированию внутрilaгерной иерархии, в основе которой лежали личный авторитет и физическая сила. Уголовники использовали жестокость и убийства как основной метод для достижения высокого социального положения в лагере. Уровень цинизма отъявленных бандитов доходил до того, что они могли совершать убийства других заключенных просто с целью невыхода на работу из-за сильных морозов в зимнее время: «Кого-то надо убить, не хочется зимой ходить на работу. Пока зима, посижу в следственном изоляторе...» [22, л. 311].

Среди осужденных по политическим мотивам особую активность в борьбе за «место под солнцем», а точнее, просто за выживание проявляли так называемые националисты, преимущественно из западных областей СССР, в среде которых шло формирование по этническому признаку подпольных групп, готовых к активному сопротивлению, в том числе к побегам и вооруженным нападениям. Как отмечал историк В.А. Козлов, «...поступления из Украины повстанцев и подпольщиков усилили украинское "землячество" в ГУЛАГе, превратив его в одну из влиятельных сил гулаговского социума, активно участвующую как в борьбе за власть над зоной, так и в подпольных группах политического сопротивления» [23, с. 63].

В непримиримой борьбе за жизненные ресурсы криминальный мир распался на ряд яростно враждующих группировок, каждая из которых терроризировала все остальное лагерное население. Администрация не имела ни средств, ни возможностей для борьбы с открытыми проявлениями лагерного бандитизма, и все, что она могла предпринять, – это своевременно расселить «неблагополучные» лагеря. В течение 1947 г. внутри ГУЛАГа было «перетасовано» не менее 800 тысяч заключенных, в результате чего враждующие группировки нередко оказывались запертыми в одном лагерном пространстве [24, л. 2–2 об.]. По мнению В.А. Козлова, такое массовое перемещение контингента спровоцировало большинство бытовых конфликтов и в целом предвещало войну «воров и сук» [25, с. 123]. Сотрясавшие послевоенный ГУЛАГ так называемые «сучьи войны» представляли собой смертельные столкновения между уголовниками, соблюдавшими «воровской закон» («воры»), и теми, кто ему изменил, то есть встал на путь «сотрудничества с властями» («суки»). Обитатели ГУЛАГа утверждали, что «сучьи войны» использовались лагерной администрацией для истребления одних уголовников руками других [26, с. 404].

Решая проблему стимулирования трудовой деятельности в ГУЛАГе, правительство ввело в конце 1948 г. заработную плату для заключенных. Эта мера могла бы стать важнейшим фактором повышения

производительности принудительного труда, но этого не случилось. В условиях засилья уголовников значительная часть денег, полученных работающими заключенными, шла на откуп бандитским группировкам. Под влиянием криминальных структур находился практически весь низовой нормировочный аппарат, состоявший из заключенных, которые, опасаясь угроз уголовников, вступали с ними в сговор и допускали серьезные приписки и искажения при заполнении нарядов и учете выработки [27, с. 168]. Авторитетные уголовники с помощью забастовок, массового невыхода на работу, голодовок могли влиять и на лагерную администрацию в целом. Прокурорские проверки лагерей послевоенного периода выявляли многочисленные нарушения со стороны администрации, в том числе в отношении трудового использования заключенных. Так, в одном из донесений сообщалось: «Произведенным расследованием прокуратурой Сиблага МВД установлено, что, по распоряжению начальника Мариинского ОЛП тов. Бакуменко, некоторые заключенные использовались как тягловая сила на вывозке органических удобрений на поля (навоза, фекалия, перегноя и т.д.)» [28, л. 111]. Особенно много правонарушений было со стороны вооруженной охраны и надзирателей, для которых все заключенные были одинаково ненавистны и враждебны.

С течением времени ГУЛАГ как социальный организм разлагался и деградировал. Он не оправдывал себя ни в качестве лагерно-промышленного комплекса, ни в качестве пенитенциарной системы. Постепенно ГУЛАГ превратился из системы мест заключения в «социальную помойку» [29, с. 41]. Его частичный демонтаж во второй половине 1950-х гг. закономерно привел к серьезному ухудшению криминогенной обстановки в стране. Массовому распространению элементов тюремной контркультуры и «бандитско-воровской романтики» в позднем СССР и в России 1990-х годов наша страна была обязана ГУЛАГу, в пространстве которого на протяжении десятилетий размывалась граница между волей и зонной и целые регионы превращались в лагерные субконтиненты.

Список литературы:

1. Иванова Г.М. Сталинский лагерно-промышленный комплекс: специфика и ключевые характеристики // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М.: РОССПЭН, 2013. С. 38–54.
2. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД, 2005. 568 с.
3. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 415 с.
4. Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Строго секретно. Особстрой-Безымянаг. 1940–1946 (Из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области). Самара: ООО «НТЦ», 2008. 552 с.
5. Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 95–109.
6. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; сост., общ. ред. пер. и посл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2014. 576 с.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330.
8. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: МФД, 2002. 888 с.
9. Волович Х. О прошлом // Доднесь тяготее. Вып. 1. Записки вашей современницы. М.: Советский писатель, 1989. С. 461–494.
10. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
11. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: МФД, 2002. С. 73–92.
12. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
13. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М.: МФД, 2000. 503 с.
14. Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Советский писатель, 1989. 460 с.
15. Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Изд-во журн. «Москва»: Астра семь, 1999. 552 с.
16. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190.
17. Государственный музей истории ГУЛАГа (ГМИГ). Архив видеointервью «Мой ГУЛАГ». Фильм № 16.
18. ГМИГ. Архив видеointервью «Мой ГУЛАГ». Голубева В.С. Фильм № 14.
19. Шаламов В.Т. Инженер Киселев. Из сборника «Артист лопаты» // Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М.: Эксмо, 2009. С. 302–312.
20. Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. М.: Эксмо, 2009. 1072 с.
21. Лейбович О.Л. Лагерный социум как объект исследования: источники и методологические подходы // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М.: РОССПЭН, 2013. С. 338–350.
22. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 8. Д. 14.
23. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М.: РОССПЭН, 2004. 736 с.
24. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1283.
25. Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.). Статья 2. «Паразитическое население» и борьба за ресурсы выживания (1945–1947 гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 122–136.
26. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. 548 с.
27. Захарченко А.В. Проблема стимулирования трудовой деятельности в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД-МВД в 1930-е – 1950-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2009. Вып. 2. С. 163–172.
28. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 84.
29. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.

THE SPACE OF UNFREEDOM: GULAG AND ITS SOCIETY

© 2020

Udovenko Ilya Vitalyevich, senior researcher of Research Department
The GULAG History State Museum (Moscow, Russian Federation)

Abstract. This paper analyzes the GULAG as a social phenomenon of the Soviet society and as a specific type of the Soviet unfree space. In particular, it considers social constructs and the relation between the camp administration, prisoners, hired workers and the local population. Paying close attention to the analysis of the social groups which a camp population was comprised of, their gender and social structure, this paper explores the living conditions, mode of life, customs and mores of the social environment in a camp. Based on the large database of various historical sources, such as governmental acts, statistical evidence, archival documents, publications in the camp press and memoirs, this paper also relies on the video interviews of former prisoners collected by the GULAG History Museum. Without denying the authoritarian nature of the corrective-labor camp system, the author came to the conclusion that the established organizational model of camp complexes determined the lack of distinct borders between the camp social space and the public space of the free world. Such «blurred» structure of corrective-labor camps leads to the fact that the camp culture with its archaic social principles dominated by the «thieves' culture» extended its considerable influence over the whole society of the Soviet Union.

Keywords: GULAG; corrective-labor camp; Soviet penitentiary system; prisoners; repressive policy; camp society; daily life in camp; forced labor; social competition; social engineering; camp economy; social experiment; camp space.